

Ян Сяоянь (аспирантка БГУ, Китай)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРОВ НА УРОВНЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

(на материале произведений Марии Арбатовой)

В славянские языки понятие гендера вошло относительно недавно, и его семантическое поле еще не устоялось. В социологии и философии термин «гендер» понимается как социальное деление, часто основанное на анатомическом поле, но не обязательно совпадающее с ним.

Каждая культура четко дифференцирует поведение человека в зависимости от пола, предписывая ему определенные социальные роли, манеру поведения, чувства и т.д. В этом смысле быть мужчиной или женщиной — значит следовать определенным социальным ожиданиям, предъявляемым обществом к человеку на основании «правил пола». Нарушать эти правила, демонстрировать мужчинам феминные черты и женщинам маскулинные, социум запрещает, и, хотя есть исключения, такое поведение осуждается.

Гендер так или иначе присутствует во всех областях нашей жизни. Не является исключением и языковая область. Эта всеобщность гендера связана, в частности, с дискурсивным строением языка. Грамматические формы родов, присутствующие во всех письменных языках, закрепляют маскулинность и феминность как структурные формы и создают основу для исполнения ролей мужчины и женщины в самых разнообразных контекстах. Любая ситуация взаимодействия, реальная или виртуальная, гендерно специфицирована.

Язык когда-то возник и как-то закрепил в себе гендерные различия (деление на женский и мужской род, местоимения, склонения и т.д.). Эта первичная фиксация действительно говорит о гендере, но язык мог зафиксировать что-то как относящееся к нему без объективных предпосылок. Выбор грамматического рода для животных и предметов мог носить случайный характер, не зависеть от реальных гендерных признаков.

В процессе своей эволюции подвергаясь культурным наслоениям, язык не только стал играть роль в фиксации гендерных различий, но и участвовать в их конструировании. И важным является понимание гендера как непрерывного процесса продуцирования обществом различий в мужских и женских ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках, наконец, речевом поведении. При этом гендерные роли и нормы не имеют универсального содержания и значительно варьируются в разных обществах, находясь, в том числе, и под влиянием языка.

Нельзя упускать из вида то, что исполнение мужчинами и женщинами гендерных ролей предполагает использование тех языковых средств, которые они воспринимают как предназначенные их гендерной группе. Мужчины и женщины осуществляют отбор языковых средств в соответствии с

«правилами пола». Именно поэтому, несмотря на временной контекст, манера речи или манера одеваться ассоциируется с одним или другим полом (хотя, конечно, эти манеры могут быть не приняты какой-либо группой или индивидами). В этом смысле бинарная оппозиция, ассоциируемая с маскулинностью и фемининностью, вполне реальна и весьма уместна при обсуждении гендерного поведения.

Размышляя о мужчинах и женщинах, о «мужском» и «женском», маскулинности и феминности, любой человек невольно попадает в своего рода лингвистические ловушки. Примеры сексизма можно найти во многих языках. Отношение к женщине как к производной от мужчины отчетливо видно даже из беглого просмотра некоторых грамматических форм.

Анализ проблемы языковой репрезентации гендера предполагает поиск ответов по крайней мере на два основных вопроса: 1) осуществляется ли репрезентация гендера в языке только за счет «зеркального» его отражения с помощью лингвистических ресурсов или же последние так или иначе сами конструируют гендер (мы считаем, что язык не просто отражает существующую в обществе гендерную дифференциацию, но и непосредственно конструирует гендерные различия); 2) можно ли говорить о существовании таких феноменов, как «мужской язык» и «женский язык» (с нашей точки зрения, не существует ни типично «мужского языка», ни сугубо «женского»).

При анализе проблемы языковой репрезентации гендера центральным, на наш взгляд, является понимание гендера как непрерывного процесса продуцирования обществом различий в мужских и женских ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках речевого поведения. При этом гендерные нормы и роли не имеют универсального содержания и потому варьируются в разных обществах.

Архетипическое разделение социума на две группы — мужчин и женщин существовало всегда, поскольку такая дифференциация по критерию биологического пола является наиболее очевидной. Таким образом, за каждым индивидом в социуме закрепились гендерная роль мужчины или женщины. На этой основе позднее сформировались некие обобщенные представления об особенностях поведения мужчин и женщин, об ожидаемых от них реакциях и действиях, о приемлемых только для мужчин или только для женщин видах деятельности — иными словами, в общественном сознании сформировались гендерные стереотипы. Эта стереотипизация касается многих сфер жизнедеятельности субъекта: социальной дифференциации, культурного фона, образованности и уровня знаний, языковой стратификации и др.

Среди лексем, указывающих на отнесенность к тому или иному полу, можно выделить существительные женского и мужского рода.

В состав проанализированных лексем входят следующие наименования мужчин и женщин:

1. По признаку возраста: Женщина: *тетя* (*Потом восьмидесятипятилетняя тетя Маша сжимала меня в объятиях* [1, с. 4]);

старушка (*Я застала старушку по кличке «Душенька», горничную прежних хозяев [1, с. 4]*); девятнадцатилетняя студентка (*Девятнадцатилетняя студентка, она не знала, что делать в подобной ситуации, и страшно боялась, что увидят ее родители и семья мужика [1, с. 17]*); взрослая (*Машеньке делают уколы. Все переносит как взрослая [1, с. 32]*), будущие женщины (*Мы же, «будущие женщины», из-за отсутствия информации стирали в нем носочки и платочки и мыли ноги [1, с. 62]*).

Мужчина: мальчик (*«Жизнь, Форест, как коробка шоколадных конфет, никогда не знаешь, с какой начинкой тебе достанется», — говорит мама мальчику с больными ногами в моем любимом фильме «Форест Гамп» [1, с. 3]*); сорокалетний военный преподаватель (*Плохо представляю, как выглядят сорокалетний военный преподаватель марксизма [1, с. 3]*).

2. По признаку кровного и юридического родства: Женщина: бабушка (*Когда же, в 1918 году моя бабушка Ханна Зильберберг, эмигрировавшая из Люблина, познакомилась в студенческом общежитии Тимирязевской академии с моим дедушкой Ильей Айзенштадтом, приехавшим в Москву из белорусского города Борисова...*) [1, с. 4]; сестра (*А сейчас я тебе прочитаю поэму, написанную сестре Клаве, на день ее юбилея [1, с. 15]*);

Мужчина: брат (*Мой брат все детство считает его попом [1, с. 15]*); сводный брат (*Мой сводный брат Юра родился 28 ноября 1937 года [1, с. 85]*).

3. По признаку семейного положения: Женщина: законная жена (*Через несколько лет Эдуард получил отставку, а потом и вовсе был возвращен законной жене, тоже польке [1, с. 45]*); вдова (*При царском режиме я, вдова подполковника, была бы всю жизнь обеспечена [1, с. 46]*); первая жена (*Первая жена отца — Валентина Крайнова — была его однокурсницей [1, с. 83]*);

Мужчина: муж (*А ведь муж был намного старше, умнее и образованней [1, с. 43]*).

4. По признаку межличностных отношений: Женщина: идиотка (*Как ты думаешь, почему соседи называют тебя идиоткой? [1, с. 46]*); девчонка-соседка (*А еще у него была девчонка-соседка, звали ее Оля [1, с. 33]*); подруга (*Маша — старшая подруга и наставница мамы. [1, с. 10]*); жертва (*Жертвой стала все-таки она [1, с. 73]*); сирота (*Я слышу узкое слово «сирота» [1, с. 43]*); прохожая (*Итак, прохожая оказалась в сто раз опасней простых любопытствующих [1, с. 68]*);

Мужчина: хахаль (*Остальные хахали были эпизодическими [1, с. 45]*); приятель, попутчики (*Моего приятеля, читающего в метро ксерокс «Мастера и Маргариты», попутчики, заглянув через плечо, сдали в ментовку [1, с. 68]*).

5. По признаку социальной принадлежности: Женщина: председатель совета отряда (*Высшим проявлением сотрудничества с коммунистами была моя должность председателя совета отряда [1, с. 97]*);

Мужчина: атеист (*Дед Гаврил тоже со временем стал атеистом и даже не крестил младшую дочь [1, с. 45]*); провинциальный преподаватель

(Устраивает ли его жизнь провинциального преподавателя? [1, с. 93]); крупная номенклатура (Покойный отец был очень крупной номенклатурой [1, с. 99]); король (Дядьки живут как короли [1, с. 98]); пацифист (В стихах присутствовали «пацифист с гитарой», «вьетнамская девушка», «американская хипповка», «Ричард Никсон» и т. д. [1, с. 105]).

6. По признаку национальной принадлежности: *Женщина: внациональная жена (внациональной офицерской женой и вдовой Люсей [1, с. 46]); вьетнамская девушка, американская хипповка (В стихах присутствовали «пацифист с гитарой», «вьетнамская девушка», «американская хипповка», «Ричард Никсон» и т. д. [1, с. 105]); еврейка (Пишите еврейка! — требовала я. — Человек, рожденный от еврейки, считается евреем [1, с. 79]), француженка (Летом снимали дачу в роскошном саду и обеды брали домой у француженки [1, с. 55]);*

Мужчина: польский мужчина (Среднестатистический польский мужчина смотрит на женщину, которая ему нравится, в манере «пани так хороша» [2, с. 92]); иудейский мужчина (Но ведь мусульманским и иудейским мужчинам тоже обрезают крайнюю плоть, и это никому не кажется варварством, — вступает соавтор моей беременности, еще стоящий подле меня в чине возлюбленного [2, с. 86]); русский мужчина (В соседнем купе Леня Бахнов несет точно такую же чушь про русскую литературу, пожирая глазами роскошную чернокожую Сару и боязливо отодвигаясь от пламенного бедра австрийской артистки кукольного театра, объявившей в начале путешествия о том, что русским мужчинам в мире нет равных [2, с. 105]).

7. По роду профессии или занятий: *Женщина: повариха (Поварихи человеколюбиво оставляли в столовой подносы с нарезанным хлебом [1, с. 52]); няня (Няня Фрося катает, а точнее, роняет меня с горы [1, с. 9]); директриса (Директрису звали Елизавета Федоровна [1, с. 52]); классная (Однажды классная в порыве ярости сообщила нам, что в Спарте нас бы всех просто сбросили со скал [1, с. 52]);*

Мужчина: воспитатель (Попался дежурному воспитателю — пропал [1, с. 52]); директор (На все расспросы воспитатель грозил отвести к директору [1, с. 52]); баянист (Она почти не покидала интернат, работая на две ставки и весь рабочий день бегая за косоглазым заторможенным женатым баянистом [1, с. 77]).

8. По оценочной характеристике:

Женщина: жуткая тетка (Это была жуткая тетка с мелкой завивкой, носатым пустым лицом [1, с. 52]); деревенская выдвигенка (Она была типичная деревенская выдвигенка, а судя по организации жизни интерната, наверняка бывшая тюремная охранница [1, с. 52]); большая умница (Наша классная руководительница была большая умница [1, с. 52]); злая как собака (У отца твоего запой, а мать на сутки пошла, злая как собака [1, с. 77]); редкая красавица (Она была редкой красавицей, и отец рассказывал... [1, с. 84]);

Мужчина: *косоглазый, заторможенный (Она почти не покидала интернат, работая на две ставки и весь рабочий день бегая за косоглазым заторможенным женатым баянистом [1, с. 77]); эстет (Он вообще был эстетом [1, с. 75]); человек с размахом (Отец был человеком с размахом [1, с. 82]); жесткий и патриархальный дед (Предполагаю, что жесткий и патриархальный дед Гаврил начал обламывать сына [1, с. 78]).*

**Статистическое соотношение наименований мужчин и женщин
в тексте Марии Арбатовой**

Признаки	% употребительности от всех исследованных примеров		Всего %
	В характеристике мужчин	В характеристике женщин	
Возраст	3,85	9,6	13,45
Семейное положение	3,8	5,76	9,56
Межличностные отношения	3,8	11,5	15,3
Социальная принадлежность	9,6	1,9	11,5
Национальная принадлежность	1,9	9,6	11,5
Профессия или род занятий	5,8	7,7	13,5
Оценочная характеристика	9,61	9,61	19,22
Итого	38,36	61,64	100

На основании данные, представленных в таблице, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство исследованных примеров (61,64% от общего количества) дают ту или иную характеристику лицам женского пола. Наиболее широко в количественном плане представлена группа лексем, которые указывают на гендерные особенности, давая помимо этого еще и качественную характеристику. Таких примеров отмечается одинаковое количество в признаки мужчин и женщин. Также зафиксировано приблизительно одинаковое количество лексем, называющих лиц женского и мужского пола с точки зрения их профессии или рода занятий. Возрастная и этническая характеристики особ женского пола представлены в тексте значительно шире, чем аналогичные характеристики мужчин. Важно отметить, что социальные характеристики значительно чаще встречаются при описаниях мужчин.

Лексические особенности выражения гендерных отношений

Подавляющее большинство слов, обозначающих гендерные отношения, принадлежит к группе нейтральной общеупотребительной лексики: *Итак, проходящая оказалась в сто раз опасней простых любопытствующих* [1, с. 68]; *Девятиклассницы ложились, и начинался еженощный «декамерон»* [1, с. 104]; *Я, точно как он, считалась первой сказочницей в компании* [1, с. 103].

Была отмечена также достаточно большая группа слов, принадлежащих к категории разговорной лексики. Данные лексемы можно считать стилистически маркированными: *Конечно, начались разборки по поводу алкоголя, мама никак не могла подчинить себе Эдуарда, беспрестанно советовалась со мной, уже в детстве замеченной в толковых советах по*

поводу обращения с **мужиками** [1, с. 118]; Потом еще был какой-то, не помню, как зовут, кстати, тоже художник и тоже **пьяница** [1, с. 96]; Остальные **хахали** были эпизодическими, и всю эмоциональную жизнь мама сосредоточила на моем брате, пространство жизни которого контролировала почище, чем бабушка Ханна ее собственное [1, с. 96]; Мне было девять лет, когда однажды на улице к нам подошла добродетельная **дура** [1, с. 102]; Ситуация была привычной, периодически на улице меня ловил какой-нибудь активный **козел или коза** и говорил: «Девочка, ну-ка, пройдишь, я посмотрю, почему ты хромаешь» [1, с. 114].

Следует также отметить группу лексем, на стилистическую маркированность которых указывают суффиксы **-онк (-енк), -ушк**: А еще у него была **девчонка-соседка**, звали ее Оля [1, с. 124]; — Садись, **детонька**, на место, — приторно сказала классная [1, с. 125]; Я застала **старушку** по кличке «**Душенька**», горничную прежних хозяев [1, с. 132].

Проанализировав произведения М. Арбатовой мы видим, что в них, во-первых, язык не просто отражает существующую в обществе гендерную противопоставленность, но и непосредственно конструирует гендерные различия; а во-вторых, делаем вывод, что не существует ни типично «мужского языка», ни сугубо «женского».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатова, М. Мне сорок лет. — М., 1999.
2. Арбатова, М. Меня зовут женщина. — М., 2004.
3. Воронина, О.А. Гендер и культура / Женщины и социальная политика (гендерный аспект): сб. ст. — М., 1992. — С. 10–20.
4. Мамечков, С.Г. Соотношение категорий гендера и биологического пола в русском языке / Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». — М., 2007 г. — С. 26–29.
5. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. — М., 1997.

